

УДК 81'371

Е. П. Черняк

КОММУНИКАТИВНАЯ СЕМАНТИКА
А. Ф. ЛОСЕВА И Ж. А. ВАРДЗЕЛАШВИЛИ

Проводится компаративный анализ основных положений теории коммуникативно-интерпретационной семантики инвариантности выдающегося русского ученого-энциклопедиста А. Ф. Лосева и семантической концепции, разработанной профессором Тбилисского государственного университета экономических отношений Ж. А. Вардзелашвили.

The article deals with a comparative analysis of the foundations of the theory of invariant communicative interpretive semantics by the Russian scholar A. F. Losev and the semantic concept developed by Z. A. Vardzelashvili, professor of Tbilisi State University of Economics.

141

Ключевые слова: инференция, коммуникативно-интерпретационная семантика инвариантности, наносема, инвариант, теория динамического конструала, интерпретационное поле, прототипический элемент.

Key words: inference, invariant communicative interpretive semantics, nanoseme, invariant, dynamic construal theory, interpretive field, prototypic element.

В последние годы в отечественной научной периодике появились многочисленные статьи по семантике профессора Тбилисского государственного университета экономических отношений Ж. А. Вардзелашвили. Занимаясь в рамках диссертационного исследования изучением такого стилистического средства, как метафора, Ж. А. Вардзелашвили постепенно значительно расширила область своих научных интересов, с течением времени заинтересовавшись тем, какого же рода средства применяются в языке в целом для передачи информации, которая не выводится непосредственно из используемых в процессе коммуникации стандартных языковых знаков, а передается от говорящего или же пишущего адресату своего рода опосредованно, на уровне контекста и ассоциаций, «между строк». На подобного рода проблематику, как известно, помимо Ж. А. Вардзелашвили, обращало внимание достаточно большое количество исследователей, одна из которых, Л. А. Гогтишвили, обозначила эту передачу информации остроумным и весьма точно выражающим суть явления термином «непрямое говорение».

По сути, теории, создаваемые Ж. А. Вардзелашвили, Л. А. Гогтишвили и другими разрабатывающими данное направление учеными, представляют собой попытку ответить на вопрос, в наиболее четком виде сформулированный Н. Д. Арутюновой в статье «Символика уединения и единения в текстах Достоевского» (сама Ж. А. Вардзелашвили цитирует ее в работе «Наносмыслы лексических структур»): «В любом художественном тексте встречаются слова, несущие дополнительную

смысловую нагрузку, окруженные особым коннотативным ореолом и нередко получающие символическую функцию. Чем объяснить их отмеченность?» [1, с. 525]. При этом Н. Д. Арутюнова не выдвигает какую-либо собственную версию, разъясняющую подобного рода «отмеченность», но приводит ряд объяснений, выдвинутых иными авторами: «Причины могут быть самые разные. Их часто видят в сохранившихся в подсознательном слое психике архетипах, в архаичных схемах мифологического мышления (Топоров 1995; Топоров 1997), в культурных или библейских ассоциациях, ритуале или обряде – концептосфере (по терминологии Д. С. Лихачева (Лихачев 1993)), семиосфере (в терминах Ю. М. Лотмана (Лотман 1992)), в личном опыте автора, иногда в самом звучании или созвучности слов» [1, с. 525].

Отвечая на данный вопрос, Ж. А. Вардзелашвили кардинально разошлась с воззрениями В. Н. Топорова, Д. С. Лихачева, а также Ю. М. Лотмана. Ею была предложена гипотеза, основная суть которой сформулирована в следующем тезисе: «...помимо сем, поддающихся анализу на уровне компонентного исследования структуры лексического значения слова, в коннотации слова можно выделить мельчайшие частицы смыслов, заряженные очень мощной энергетикой, способной "вытолкнуть" данный смысл из глубинных пластов нашего подсознания и архепамяти» [3]. Согласно ученой, именно такие микроскопические частицы смыслов, содержащиеся практически в каждом слове, и отвечают за передачу подобного рода информации. Для их обозначения Ж. А. Вардзелашвили были введены термины «наносмысл» и «наносема». Выбор префикса «нано», присущего в основном научным трудам в области физики, в этом случае мотивирован, по словам исследовательницы, желанием продолжить плодотворную и хорошо зарекомендовавшую себя лингвистическую традицию по заимствованию терминологии из мира точных наук.

Согласно теории Ж. А. Вардзелашвили, любой концепт представляет собой систему образов и ассоциаций, носители которых – мельчайшие структурные наночастицы. В центре системы лежит так называемый прототипический элемент (как известно, теория прототипа была создана американским когнитивным психологом Э. Рош, первоначально никоим образом не относилась к языкознанию, но при появлении на свет когнитивной лингвистики прекрасно «вписалась в тему»), за ним следует семантическое пространство, названное Ж. А. Вардзелашвили концептуальным полем, а замыкает это все на своего рода внешней периферии «интерпретационное поле». Составляющие эту систему наносмыслы, переплетаясь и связываясь на уровне интерпретационных полей в процессе коммуникации с наносмыслами других концептов-систем, образуют «семантические узлы» (названные Ж. А. Вардзелашвили интерпретационными), придающие любому тексту дополнительный смысловой оттенок. Причем потенциал смыслового варьирования, возникающий благодаря неограниченным возможностям такого связывания, практически бесконечен.

Для иллюстрации приведем схему, опубликованную в работе Ж. А. Вардзелашвили «Наносемы как латеральный компонент значения слова» (рис.) [4].

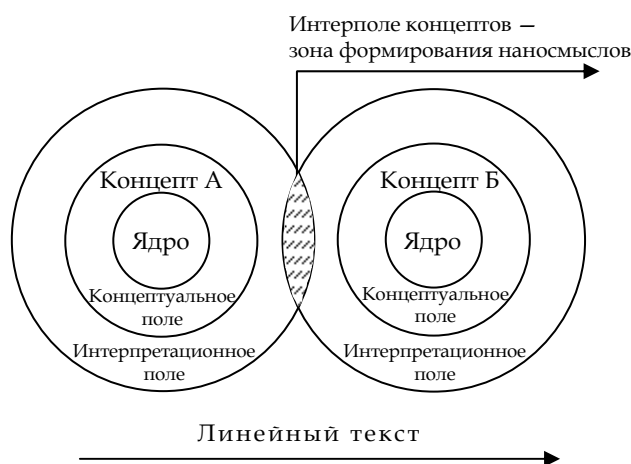

Рис. Зона формирования наносмыслов

Следует отметить, что идеи Ж. А. Вардзелашвили во многом были предвосхищены работами предыдущих поколений ученых. Сами по себе соответствующие лингвистические исследования, как известно, уходят своими корнями в такую научную дисциплину, как логика, поскольку именно в ней (приблизительно в конце XVI в.), было впервые введено понятие «инференция», впоследствии удачно применяемое и в области языкознания.

«Инференция» в ее классическом логическом понимании представляет собой умозаключение, формируемое участниками коммуникации в процессе интерпретации получаемых сообщений. С точки зрения же когнитивной лингвистики инференция, как ее определяет Е. С. Кубрякова, является «мыслительной операцией, в результате которой человек способен выйти за пределы буквального / дословного значения единиц, разглядеть за рассматриваемой им языковой формой больше содержания, чем зафиксировано ее отдельными частями» [10, с. 411].

Непосредственно в классическом языкознании отправной точкой для подобных семантических теорий послужили работы выдающегося русско-украинского лингвиста XIX в. А. А. Потебни, который первым в отечественной традиции высказал мысль о том, что у каждого слова помимо лексического и грамматического значений есть и третье, так называемое образное значение. (Известен стандартный пример со словом «стол», которое, по мнению ученого, автоматически выводит любого говорящего по-русски человека на ассоциации с глаголом «стлать».) Об этом же в статье «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» говорил и В. фон Гумбольдт: «...большие семьи слов также мало пополняются основными видами производных. Однако посредством созданных для выражения более тонких ответвлений понятий, их сложения, внутренней перестройки структуры слов, осмысленного соединения и прихотливого использования их первоначального значения, точно схваченного выделения известных форм, искощения лишнего... язык, который в момент своего формирования до-

вольно примитивен и слабо развит, может обрести новый мир понятий и доселе неизвестный ему блеск красноречия» [7, с. 308].

Однако в целом в значительно большей степени концепция Ж. А. Вардзелашвили перекликается с лингвофилософскими работами выдающегося русского ученого-энциклопедиста А. Ф. Лосева, который задолго до Ж. А. Вардзелашвили выдвинул идею о возможности бесконечного порождения смыслов в языке. По Лосеву, «язык есть неосознанный и вполне непрерывный поток сознания» [12, 459], находящийся в постоянном движении. Данную идею философ мотивировал следующими рассуждениями:

– язык представляет собой выражение человеческого мышления, поэтому «всякий языковой знак есть акт человеческого мышления» [12, с. 118];

– мышление во многом есть отражение действительности, а она, по утверждению Лосева, бесконечна;

– соответственно, и мышление человека бесконечно, обладает способностью уходить «в неисчислимое множество наблюдений, сравнений, сопоставлений и всяких смысловых конструкций, то больших и глубоких, а то легких или поверхностных, всегда развивается и уходит в бесконечную даль» [12, с. 118].

– таким образом, и язык, на первый взгляд внешне членимый на четко выделяемые структурные элементы, в реальности представляет собой некий бесконечный и непрерывный континуум, единое всеобъемлющее пространство, обладающее способностью к бесконечному смысловому расширению.

Как резюмировал сам Лосев, «языковой знак, если он действительно является знаком мышления, тоже заряжен этой всегдашней способностью к бесконечному развитию... и тоже кишит бесконечными семантическими возможностями» [12, с. 119].

Осуществляется же данная реализация бесконечных семантических возможностей на практике благодаря многогранной смысловой вариативности практически любого языкового знака. Причем этими возможностями, по Лосеву, обладают не только корни слов, но и аффиксы, служебные части речи, а также «и все те дополнительные семантические оттенки (аксиологические, коммуникативные, прагматические и др.), которые обычно относятся к сфере речи» [9, с. 151]. Некий тончайший оттенок значения одного языкового знака сближает его со схожим по смыслу оттенком другого, он пересекается с третьим, третий с четвертым и т. д. Образуется своего рода семантическая сеть, на интуитивно-ассоциативном уровне порождающая набор смыслов и значений, которые невозможно получить из текста, если воспринимать его лишь как «буквальное и механическое выражение чисто логического суждения» [12, с. 114]. У Ж. А. Вардзелашвили в одной из ее статей указанный процесс описывается следующим образом: «...мельчайшие смысловые атомы находятся в постоянной диффузии и обладают способностью к сцеплению с другими, масштабю себе подобными микроэлементами смысла» [4, с. 59].

Сам Лосев свои вышеупомянутые логические построения обозначил как теорию бесконечной семантической валентности языкового знака и отмечал, что она «пока что нигде... не проводится в систематической форме» [12, с. 120].

Интересно, что сходные идеи о бесконечности, непрерывности и неделимости мышления неоднократно высказывались и основателем психосистематики французским лингвистом Г. Гийомом. Любопытно, однако, то, что если у А. Ф. Лосева безграничность и бесконечность человеческого мышления придает подобный характер и языку, то у Г. Гийома все обстоит с точностью до наоборот: не мышление влияет на язык, а язык — на мышление, своей четкой системностью ограничивая, категоризируя его и производя, таким образом, по формулировке И. Ю. Иероновой из ее работы «Теоретическая лингвистика Г. Гийома и ее значение для научной парадигмы знаний о языке XXI века», «структурирование и упорядочивание ментального пространства через означивание» [8, с. 89]. В результате человеческое восприятие мира на интуитивном уровне оказывается значительно лимитированным, а люди в целом лишаются изначальной способности к ясновидению и предвидению. Сам Гийом писал об этом в статье «Специфика ясновидения как предсознания»: «Можно предположить, что в ходе собственного возможного построения мышление, не знающее своего места в самом процессе, является мышлением турбулентным, находящимся во власти исходной беспорядочности потока мысли — ментальной турбулентности. <...> С возникновением человеческого языка беспорядочное течение мысли сменяется таким течением, при котором турбулентность более не является неизбежной; неизбежным становится некоторое отступление первоначальной ментальной турбулентности, к которой человеку больше нет возможности вернуться.

Именно этот запрет и создает человека, лишая его мышление тех возможностей, которые несет с собой первоначальная беспорядочность мысли» [5, с. 146].

Немецкий исследователь Х. Куссе дал семантической теории А. Ф. Лосева (которую, как мы ранее упоминали, последний именовал теорией бесконечной семантической валентности языкового знака) другое, в какой-то степени даже более полно отражающее ее суть название: коммуникативно-интерпретационная семантика инвариантности. Добавление к термину «семантика инвариантности» (та же лосевская «бесконечная семантическая валентность», только иными словами) обозначения «коммуникативно-интерпретационная» мотивируется у Х. Куссе так: «...лишь контекст текста и коммуникативная ситуация определяют, что собственно интерпретационным семантическим инвариантом знака интерпретируется» [11, с. 302]. Об этом же в рамках своей теории говорит и Ж. А. Вардзенашвили, замечая, что «потенциальные семы» (те самые «наносмыслы») «актуализируются в конкретном контексте» [3].

Подобного рода идеи сближают концепции Ж. А. Вардзенашвили и А. Ф. Лосева с так называемой теорией динамического конструала, основным положением которой является мысль о том, что ни одно слово в принципе не может обладать никаким значением, находясь вне контекста.

Все вышеупомянутое позволяет воспринимать как семантические идеи А. Ф. Лосева, так и теорию Ж. А. Вардзелашвили в качестве неотъемлемой части общей теории коммуникативного инференциализма.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Символика уединения и единения в текстах Достоевского // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001. С. 525–554.
2. Вардзелашвили Ж. А. Наносмыслы в компонентном анализе слова // Славистика в Грузии / ТГУ. Тбилиси, 2003. Вып. 4. С. 26–29.
3. Вардзелашвили Ж. А. Наносмыслы лексических структур. URL: <http://www.vjanetta.narod.ru/pedun.html> (дата обращения: 14.11.2011).
4. Вардзелашвили Ж. А. Наносемы как латеральный компонент значения слова // Acta Linguistica. 2007. Vol. 1. С. 55–62.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
6. Гоготшивили Л. А. Непрямое говорение. М., 2006.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
8. Иеронова И. Ю. Теоретическая лингвистика Г. Гийома и ее значение для научной парадигмы знаний о языке XXI века // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 2. С. 88–94.
9. Иеронова И. Ю., Прозорова М. И. Язык как система миропонимания в концепции А. Ф. Лосева // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. 2011. Вып. 2. С. 149–158.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
11. Куссе Х. Семантика интерпретации А. Ф. Лосева и семантические теории в XX веке // Вестник МГТУ. 2010. Т. 13, №2. С. 295–302.
12. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.

Об авторе

Евгений Петрович Черняк – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: eugene1977@mail.ru

About author

Evgeny Chernyak – PhD student, I. Kant Baltic Federal University.

E-mail: eugene1977@mail.ru